

ХАРУКИ МУРАКАМИ

УБИЙСТВО КОМАНДОРА

18+

Книга 2. Ускользающая метафора

Мураками-мания

Харуки Мураками

**Убийство Командора. Книга
2. Ускользящая метафора**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Мураками Х.

Убийство Командора. Книга 2. Ускользящая метафора /
Х. Мураками — «Эксмо», 2017 — (Мураками-мания)

ISBN 978-5-04-101069-0

«С мая того года и до начала следующего я жил в горах...» Живописное, тихое место, идеальное для творчества. Скромное одноэтажное строение в европейском стиле, достаточно просторное для холостяка, принадлежало известному в Японии художнику. Все было бы мирно и спокойно, если бы не картина «Убийство Командора», найденная на чердаке, если бы не звон буддийского колокольчика по ночам, если бы не странный склеп, что возник из-под каменного кургана посреди зарослей, если бы не встреча с эстетом Мэнсики, который за баснословные деньги попросил написать портрет, сначала свой, а потом, возможно, его дочери, если бы не попытки разобраться в самом себе. «Выходит, началом всему, что происходит вокруг меня, стало то, что я вынес на свет эту картину? И тем самым разомкнул круг?» Эта картина перевернула жизнь главного героя и повлияла на всех, кто ее видел. Она создала в нашем мире еще одну реальность. Как это все возможно?

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-101069-0

© Мураками Х., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

33	6
34	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Харуки Мураками

Убийство Командора. Книга

2. Ускользящая метафора

© 2017 by Haruki Murakami

© Замилов А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

33

То, что на виду, мне нравится примерно так же, как и то, что скрыто

Воскресенье тоже выдалось ясным, ветра почти не было. В лучах осеннего солнца переливалась листва самых разных оттенков. Расположившись на террасе, я наблюдал, как белогрудые птички, порхая с ветки на ветку, проворно клевали красные плоды. Красота природы беспристрастна и одинаково доступна как богатым, так и беднякам. То же и с временем. Хотя нет. Время – это нечто иное. Его богатеи приобретают за деньги, с запасом.

Ровно в десять, взобравшись по склону, перед домом возникла ярко-синяя «тоёта приус». На сей раз Сёко Акигава была в узких бледно-зеленых брючках из хлопка и бежевой обтягивающей водолазке. На шее поблескивала золотая цепочка. Прическа, как и прежде, – почти идеальная. Когда волосы покачивались, из-под них выглядывал затылок. Сегодня Сёко оставила прежнюю дамскую сумочку дома и взяла замшевую, с ремнем через плечо, на ногах – коричневые парусиновые туфли. Вся одежда простая, но наряд продуман до мелочей. Грудь у нее и впрямь красивая. Ее племянница сказала бы – «без подкладок». Можно сказать, бюст ее меня пленил – исключительно в эстетическом смысле.

А вот Мариэ Акигава сегодня выглядела совсем иначе, повседневно – в потертых голубых джинсах и белых кедах «Конверс». На джинсах местами зияли дыры, разумеется – нарочно сделанные с превеликой осторожностью. Сверху же на ней была плотная клетчатая рубаша – обычно такие носят лесорубы, а на плечи накинута тонкая серая ветровка. Бугорков груди по-прежнему не наблюдалось, а на лице – прежняя кислая мина. Как у кошки, у которой отобрали миску с едой, едва она принялась за еду.

Как и в прошлый раз, я заварил черный чай и принес его в гостиную. Затем показал гостям три эскиза, которые набросал на прошлой неделе. Сёко Акигаве, похоже, они понравились.

– Какой ни возьми, Мариэ выглядит естественней, чем даже на фотографии. Прямо как живая.

– Это... можно взять? – спросила у меня Мариэ Акигава.

– Конечно, – ответил я. – Когда картина будет готова. Пока же эскиз может мне пригодиться.

– Как ты себя ведешь?... – укоризненно сказала племяннице тетушка и обратилась ко мне: – Что, действительно можно? – обеспокоенно спросила она.

– Не имеет значения. Завершу портрет – и они мне не нужны.

– Значит, какой-то вы используете для наброска? – спросила Мариэ.

Я покачал головой:

– Ни один не стану. Эти эскизы я сделал лишь для того, чтобы нащупать твой объемный образ. На холсте же я буду писать другую тебя.

– Выходит, образ уже сложился у вас в голове?

Я опять покачал головой:

– Нет еще. Мы с тобой будем создавать его вместе.

– Нащупывать меня объемно? – уточнила Мариэ.

– Именно, – ответил я. – Материально холст – поверхность плоская. А портрет нужно писать в объеме, понимаешь?

Мариэ нахмурилась. Мельком взглянув на обтянутую водолазкой грудь тети, она перевела взгляд на меня, и я предположил, что при слове «объемный» она, вероятно, задумалась о форме собственной груди.

– Как удастся так умело рисовать?

– Ты про эскиз?

– И про эскиз, и про кроки на занятиях.

– Практика. Рисуя, постепенно набиваешь руку.

– Но ведь немало и тех, у кого так не получается, сколько б ни рисовали.

Она была права. Сколько моих сокурсников практиковались – но рисовать так и не научились. Как ни старайся, способности людей во многом зависят от их врожденных качеств, хотя об этом сейчас благоразумней умолчать, иначе разговору не будет ни конца, ни края.

– Но это не значит, что можно не практиковаться. Вне сомнения, существует немало талантов и качеств, которые не проявятся, если их не развивать.

Сёко Акигава была полностью со мной согласна, а Мариэ лишь поджала губы, как будто не торопилась принять мои слова на веру.

– Ты ведь хочешь научиться рисовать? – поинтересовался я у Мариэ.

Она кивнула.

– Что на виду, мне нравится примерно так же, как и то, что скрыто.

Я посмотрел ей в глаза и заметил в них некий блеск. Я не очень понял, что она имела в виду, но привлекли меня даже не ее слова, а искорки в глубине ее глаз.

– Весьма странное замечание, – отозвалась Сёко Акигава. – Прямо загадками ты говоришь.

Мариэ, ничего на это не ответив, разглядывала свои руки. Вскоре она подняла голову: блеска у нее в глазах как не бывало. Вспышка эта длилась лишь миг.

Мы с Мариэ Акигавой ушли в мастерскую. Сёко достала из сумочки тот же, как мне показалось, *покетбук* и, откинувшись на спинку дивана, тут же погрузилась в чтение. Похоже, читала она запоем. Мне еще сильнее захотелось узнать, что это за книга, но спросить название я постеснялся.

Мариэ и я, как и в прошлый раз, расположились в паре метров друг напротив друга. Только теперь передо мной стоял мольберт с холстом, но время кистей и красок пока не пришло. Я попеременно смотрел то на девочку, то на чистый холст и размышлял, как перенести ее облик на него *объемно*. Ведь для этого требуется некая *история*. Банальное копирование – не творчество: тогда у меня получится удачный портрет, но никак не произведение искусства. Мне же предстояло не просто перенести ее облик на холст как есть, а именно отыскать ту *историю*, что должна быть там *отображена*. И это станет для меня важной отправной точкой.

С высоты своего табурета я долго смотрел на лицо Мариэ Акигавы, которая сидела на стуле из столовой. Она не отводила глаз и почти не моргала в ответ на мой взгляд. Смотрела на меня она не вызывающе, но в ее глазах читалось решительное «не отступлю». Правильные, буквально кукольные черты лица, как правило, создавали у людей ошибочное впечатление, но характер у девочки был крепкий, в ней чувствовался стержень. Такая неколебимо пойдет своим путем, ее с него не собьешь.

Если присмотреться, было в ее взгляде нечто от Мэнсики. Это я ощущал и прежде, но сейчас это сходство поразило меня вновь. Станный блеск ее глаз – его так и подмывало назвать «оледеневшим пламенем», – пылкий и одновременно всецело спокойный, напоминал какой-то драгоценный камень, что мерцает сам в себе. Во взгляде этом остро сталкивались две силы: он искренне звал к открытости и был направлен внутрь, как бы стремясь к завершенности.

Однако подобная трактовка вполне могла возникнуть у меня и после недавнего признания Мэнсики в том, что девочка, возможно, – его родная дочь. А раз такая связь существует, возможно, я неосознанно стараюсь обнаружить и нечто схожее между ними.

Так или иначе, мне предстояло изобразить на портрете эту *изюминку* ее взгляда. Саму суть выражения ее лица, нечто, приоткрывающее потайную дверку всей ее внешности – вот

что важно. Однако я пока не мог отыскать тот контекст, какой мог бы вписать в ее портрет. Не постараюсь это сделать – выйдет лишь холодная стекляшка, а не самоцвет. Мне же нестерпимо хотелось узнать, откуда взялся тот источник тепла у нее во взгляде и куда он устремлен.

Минут пятнадцать я смотрел то на холст, то на лицо девочки, а после оставил эту затею. Отодвинув мольберт в сторону, я несколько раз глубоко вдохнул.

– Давай поговорим, – произнес я.

– Давайте, – ответила Мариэ. – О чем?

– Хочу побольше о тебе узнать – если, конечно, ты не против.

– Например?

– Скажем, твой отец – он какой?

Мариэ слегка скривилась.

– О папе я мало что знаю.

– Редко беседуете?

– Да и видимся не часто.

– Наверное, занят работой?

– Я не знаю, чем он там занят, – ответила Мариэ. – По-моему, он мною просто не интересуется.

– Не интересуется?

– Потому и бросил меня на тетю.

Я ничего на это не ответил.

– А маму ты помнишь? Тебе ведь было шесть лет, когда она умерла.

– Мама мне вспоминается какими-то *обрывками*.

– В смысле?

– Слишком быстро ушла она из моей жизни. Я тогда еще не понимала, что значит «человек умирает», поэтому считала, что ее просто *не стало*. Как дыма, ускользнувшего в щель. – Мариэ помолчала, а затем продолжила: – Вот только не стало ее так внезапно, что я никак не могла взять в толк, почему это случилось. Поэтому мне и трудно вспомнить, что было до, а что после ее смерти.

– Тебе, видимо, пришлось нелегко?

– То время, когда мама была, и то, когда ее не стало, словно бы разделилось высокой стеной – и вместе эти половинки уже не сойдутся, – помолчав, сказала Мариэ и прикусила губу. – Понимаете меня?

– Надеюсь, что да, – ответил я. – По-моему, я рассказывал в прошлый раз про мою младшую сестру, которая умерла, когда ей было двенадцать?

Мариэ кивнула.

– У нее был врожденный порок сердца. Ей сделали сложную операцию, все прошло успешно. Но недуг почему-то остался, а это – как жить с бомбой в теле. Поэтому у нас в семье все были готовы к худшему, всегда. Иными словами, это не стало для нас градом с ясного неба, как было с твоей мамой.

– Градом?

– Так говорят – «град с ясного неба», – сказал я. – Когда в погожий день внезапно сыплет град. Ну, то есть неожиданно происходит то, чего даже не предполагали.

– Град с ясного неба... – повторила она. – Какие там иероглифы?

– Ясное небо – «голубой» и «небо». Град – сложные, я сам не помню. Ни разу не писал. Посмотри в словаре, как вернешься домой, если хочешь.

– Град с ясного неба, – еще раз повторила она. Эта фраза словно заняла выдвижной ящичек в ее голове.

– Как бы там ни было, мы в определенной мере представляли, что может случиться. Но на самом деле, когда у сестры внезапно случился приступ, и она в тот же день умерла, никакая наша готовность не пригодилась. Меня буквально подкосило. Да и не только меня – всю семью.

– После у вас внутри, наверное, много что переменилось?

– Да, после этого – *и внутри, и вокруг* меня многое переменилось совершенно. Даже время потекло иначе. Как ты верно подметила, все разделилось надвое так, что половинкам уже никогда не сойтись.

Мариэ секунд десять пристально смотрела на меня, затем сказала:

– Сестра была вам очень дорога?

Я кивнул.

– Да, очень.

Мариэ Акигава опустила взгляд и о чем-то крепко задумалась. После чего вновь посмотрела на меня и произнесла:

– Из-за этого барьера в памяти я не могу толком вспомнить маму. Какой она была, как выглядела, что мне говорила. Отец мне тоже о ней почти ничего не рассказывает.

Мне известны о матери Мариэ Акигавы лишь мельчайшие подробности того, как Мэн-сики переспал с ней в последний раз. Он же сам рассказывал мне о том страстном соитии на диване в у него в кабинете, которое, вероятно, и привело к зачатию Мариэ. Но об этом, разумеется, девочке не сообщишь.

– Но ты хоть что-то о ней помнишь? Ведь до шести лет вы прожили вместе.

– Только запах.

– Запах маминого тела?

– Нет, не тела – дождя.

– Запах дождя?

– Тогда шел дождь. До того сильный, что было слышно, как капли бьют по земле. А мама шла по улице, не раскрывая зонтика. Я тоже шла под дождем, держа ее за руку. Кажется, было лето.

– То был, значит, летний ливень?

– Скорее всего. И стоял такой запах, когда первые крупные капли дождя лупят по раскаленному солнцем асфальту. Вот его я и запомнила. Место было чем-то вроде смотровой площадки на горе, и мама пела песню.

– Какую?

– Мелодия вылетела у меня из головы, а слова... слова я помню. «На той стороне реки лежит луг. Там все залито ярким солнцем, а здесь беспросветный нудный дождь». Что-то вроде. Вам доводилось ее слышать, сэнсэй?

Такой песни я не припоминал.

– По-моему, нет.

Мариэ Акигава слегка пожала плечами:

– Я спрашивала у разных людей, но эту песню не слышал никто. Интересно, почему? Может, я ее сама придумала?

– Или же мама прямо там сочинила ее. Для тебя.

Мариэ подняла на меня глаза и улыбнулась.

– Такое мне даже в голову не приходило. Но если это правда, до чего же это прекрасно.

И тут я впервые увидел, как она улыбается. Та улыбка была будто яркий луч, что прорвался сквозь толщу туч и осветил какой-то особый клочок земли.

Я спросил у Мариэ:

– Если туда вернуться, ты сможешь узнать это место? Смотровую площадку на горе?

– Пожалуй, да, – ответила Мариэ. – Не уверена, но, пожалуй, вспомню.

– Прекрасно, что тыохранишь в себе ту сцену, – сказал я.

Мариэ просто кивнула.

Затем какое-то время мы вместе наслаждались птичьим щебетом. За окном высилось безоблачное осеннее небо. Мы думали каждый о своем.

– Вон та картина, что стоит лицом к стене, – это что? – первой нарушила молчание Мариэ.

Девочка показывала на тот портрет, что написал – вернее, попытался, «Мужчина с белым «субару форестером»». Чтобы не смотреть на этот холст, я прислонил его к стене да так и оставил.

– Начатая картина. Собирался нарисовать одного человека. Но отложил на потом.

– Покажете?

– Покажу. Хотя она не окончена.

Я развернул картину и поставил на мольберт. Мариэ поднялась со стула, подошла и, скрестив на груди руки, принялась ее рассматривать. В ее глазах опять вспыхнул тот резкий блеск, а губы плотно сжались едва ли не в прямую линию.

Тот портрет я начал писать лишь в красных, зеленых и черных тонах, и мужчина, который должен был занять там свое место, отчетливо еще не проступил на холсте. Сама фигура его, набросанная углем, теперь скрывалась под красками. Он сам отказался воплощаться далее, но я понимал, что он где-то здесь. Я улавливал самую его суть – так невод охватывает рыбу, не видимую в пучине моря. Я стремился найти способ вытащить этот невод, а мужчина мне мешал. Пока мы с ним так препирались, работа над картиной приостановилась.

– И на этом вы бросили? – спросила Мариэ.

– Ну да. И дальше наброска продвинуться не могу.

Мариэ тихо сказала:

– Но даже и так портрет выглядит вполне законченным.

Я встал рядом с девочкой и заново взглянул на холст. Неужели ей виден облик скрытого в этом мраке мужчины?

– То есть ты считаешь, что лучше ничего уже не добавлять?

– Ага. Мне кажется, можно все оставить, как есть.

Я сглотнул слюну. Ее устами со мною будто говорил сам мужчина с белым «субару»: *Оставь картину, как есть, не вздумай ничего добавлять.*

– Почему ты так думаешь? – спросил я.

Мариэ ответила не сразу. Сосредоточенно посмотрев на картину еще сколько-то, она отняла руки от груди и прижала их к щекам – словно пыталась их остудить. После чего сказала:

– В ней и так достаточно силы.

– Достаточно силы?

– Мне так кажется.

– И сила эта не слишком *добрая*?

Мариэ на это ничего не ответила – лишь продолжала держаться ладонями за щеки.

– Сэнсэй, а вы хорошо знаете этого мужчину?

Я покачал головой:

– Нет. Признаться, я о нем не знаю ничего. Случайно встретился с ним не так давно, пока путешествовал, в каком-то городке в глуши. Мы с ним даже не разговаривали, и я не знаю, как его зовут.

– Добрая это сила или нет – непонятно. Наверное, может быть то хорошей, то плохой, ведь все выглядит иначе под разными углами.

– Но ты считаешь, что ее лучше не воплощать на холсте?

Она посмотрела мне в глаза.

– Если воплотить, а она окажется *недоброй*, – как с ней быть? Вдруг она и сюда дотянется...

А ведь она права, подумал я. Если сила эта окажется совсем не *доброй*, если она будет *злой* и дотянется до сюда... как мне с ней быть?

Я снял картину с мольберта, развернул к стене и поставил на прежнее место. Царившее в мастерской напряжение словно бы мигом улетучилось.

Пожалуй, будет лучше хорошенько упаковать эту картину и отнести на чердак, подумал я. Примерно так же, как Томохико Амада убрал с глаз долой свою.

– Ладно, а что скажешь об этой картине? – спросил я, показывая на стену, где висело «Убийство Командора».

– Эта мне нравится, – не колеблясь, ответила Мариэ. – Кто ее нарисовал?

– Томохико Амада, хозяин этого дома.

– Эта картина к чему-то зовет. Такое чувство, будто птица хочет вырваться из тесной клетки на волю.

Я посмотрел на девочку.

– Птица? Какая еще птица?

– Какая птица, какая клетка – я не знаю. Ни образа, ни облика их я разобрать не могу, только чувствую. Пожалуй, эта картина для меня слишком сложная.

– Не только для тебя. Для меня, по-моему, тоже. Но как ты верно подметила, автор перенес на холст свое сильное стремление донести что-то людям. Это и я ощущаю, вот только никак не могу догадаться, что именно он хотел сказать.

– Кто-то кого-то убивает. Из страсти.

– Так и есть. Молодой мужчина, решившись, пронзает мечом грудь другого. А тот, в свою очередь, обескуражен тем, что его убивают. Окружающие, затаив дыхание, следят за происходящим.

– А справедливое человекоубийство – такое бывает?

Я задумался.

– Не знаю. Тут все зависит от выбора нормы – что справедливо, а что нет. Взять, к примеру, смертную казнь. В мире немало людей, считающих ее справедливым убийством. – Или же политическое покушение, подумал я.

Мариэ, немного подумав, сказала:

– Но эта картина не вызывает мрачных чувств, хотя на ней убивают и пролито много крови. Она будто куда-то манит. Туда, где нет нормы справедливости.

В тот день я за кисть больше не брался. В залитой солнцем мастерской мы просто болтали с Мариэ, и у меня в памяти откладывалось, как меняется у нее мимика, как девочка жестикулирует. Этот запас памяти и станет для меня плотью и кровью портрета, который мне предстоит написать.

– Сэнсэй, вы сегодня ничего не нарисовали, – сказала Мариэ.

– Бывают и такие дни, – ответил я. – Время чего-то нас лишает, но еще и что-то дает. Очень важно ладить со временем – чтобы оно оставалось за тебя.

Мариэ, ничего не говоря, просто посмотрела мне в глаза. Так заглядывают в дом, прижав лицо к стеклу. Видимо, она думала о смысле времени.

В полдень раздался обычный гудок, и мы с Мариэ вышли из мастерской в гостиную. Там Сёко Акигава, как и раньше, в очках в черной оправе увлеченно читала толстую книжку. Она так ею увлеклась, что, кажется, даже не дышала.

– Что за книгу вы читаете? – не выдержав, спросил я.

– Сказать вам правду, на мне что-то вроде сглаза, – улыбнувшись, ответила она, вложила закладку между страницами и закрыла книгу. – Скажу кому-нибудь, как называется книга,

которую я читаю, и все – почему-то не могу дочитать ее до конца. Как правило, тогда случается что-нибудь непредвиденное, и я дальше читать не могу. Странно, но так и есть. Поэтому я для себя решила никому не говорить, что я читаю, пока не закончу. А тогда с радостью вам скажу.

– Конечно, мне же не к спеху. Просто вы так увлеченно читаете, что мне самому стало интересно.

– Это очень интересная книга, невозможно оторваться. Поэтому я решила читать ее только здесь – так два часа пролетают незаметно.

– Тетя очень много читает, – сказала Мариэ.

– Мне больше заняться нечем, и чтение теперь – стержень всей моей жизни, – сказала Сёко Акигава.

– Вы не работаете? – спросил я.

Она сняла очки и, разглаживая пальцем легкую складку между бровей, ответила:

– Примерно раз в неделю я добровольно помогаю в местной библиотеке. А прежде работала в Токио в частном мединституте – секретарем ректора. Но, переехав сюда, ту работу оставила.

– Вы переехали сюда после смерти матери Мариэ?

– Тогда я собиралась пожить с ними недолго, пока все не уляжется. Но, приехав и проведя какое-то время с Мариэ, я поняла, что так просто отсюда мне уже не выбраться. С тех пор так здесь и живу. Разумеется, если мой брат решит опять жениться, я тут же вернусь в Токио.

– Тогда я тоже с тобой уеду, – сказала Мариэ.

Сёко Акигава лишь учтиво улыбнулась, а от слов воздержалась.

– Если не возражаете, может, пообедаем вместе? – спросил я у них. – Салат и спагетти я могу приготовить быстро.

Сёко Акигава, разумеется, замаялась, а вот Мариэ мысль пообедать втроем очень заинтересовала.

– А можно? Все равно же домой вернемся – а отца там нет.

– Мне никакого труда это не составит, еда очень простая. Соуса я наготовил много, сварю все быстро хоть на одного, хоть на троих, – ответил я.

– Мы в самом деле вам не помешаем? – с подозрением переспросила Сёко Акигава.

– Конечно, нет, не переживайте. А то я вечно здесь один ем, по три раза в день. Иногда хочется пообедать в компании для разнообразия.

Мариэ посмотрела на тетю.

– Хорошо, тогда мы принимаем приглашение, – согласилась Сёко Акигава, но добавила: – Вы уверены, что не помешаем?

– Нисколько, – заверил ее я. – Чувствуйте себя как дома.

И мы втроем перешли в столовую. Они сели за стол, я же на кухне вскипятил воду, разогрел на сковороде соус со спаржей и беконом, сделал салат из латука, помидора, репчатого лука и сладкого перца. Когда закипела вода, положил в кастрюлю пасту и, пока она варилась, мелко нарезал сельдерей. Достал из холодильника холодный чай, разлил по стаканам. Гости удивленно наблюдали, как энергично я хлопочу на кухне. Сёко Акигава предложила свою помощь, но делать было нечего, и я отказался.

– Как у вас слаженно все получается, – восхищенно произнесла она.

– Ну, если заниматься этим изо дня в день...

Готовить мне не в тягость. Я всегда любил делать что-нибудь руками – готовить еду, плотничать, ремонтировать велосипеды, ухаживать за садом. Слабое место у меня – абстрактное и математическое мышление. Шахматы, головоломки и подобные им интеллектуальные игры напрягают мой незатейливый мозг.

Затем мы уселись за стол и принялись за еду. Получился беззаботный воскресный обед посреди ясного осеннего дня. К тому же Сёко Акигава оказалась идеальной застольной собе-

седницей – с широким кругозором, тонким чувством юмора, интеллигентная и общительная. За столом она держалась изящно и без лишней напыщенности, сразу видно: женщину эту воспитали в приличной семье и обучали в хорошей и дорогой школе. Мариэ же почти не говорила – доверив разговоры тете, она сосредоточилась на еде. Сёко Акигава попросила поделиться с ней рецептом соуса.

Когда мы уже почти все доели, в прихожей раздался бодрый звонок. Легко было предположить, кто это мог звонить. Чуть раньше мне послышался едва различимый рокот мотора «ягуара» – эта машина звучала совсем не так, как шуршала «тоёта приус», и звук вклинился где-то между моим сознанием и бессознательным. Поэтому звонок в дверь отнюдь не застал меня врасплох, точно «град с ясного неба».

Извинившись, я отложил салфетку и, оставив женщин в столовой, направился в прихожую. Понятия не имея, что будет дальше.

34

Если подумать, за последнее время я ни разу не проверил давление

Отворив дверь, я увидел на пороге Мэнсики. Он был в шерстяной фуфайке с мелким изящным узором и твидовом голубовато-сером пиджаке. Парусиновые брюки у него были бледно-горчичными, замшевые туфли – светло-коричневыми, и вся одежда, как обычно, выглядела на нем ладно, а пышные белые волосы переливались в лучах осеннего солнца. Позади Мэнсики виднелся его серебристый «ягуар» рядом с ярко-синей «тоётой приус». Две эти машины, стоявшие бок о бок, напомнили мне человека с кривыми зубами, смеющегося во весь рот.

Я жестом пригласил Мэнсики войти. Его лицо от напряжения выглядело окаменевшим, словно недосохшая штукатурка. Таким я его видел, разумеется, впервые – прежде он никогда не проявлял чувства, стараясь выглядеть сдержанным и хладнокровным. Даже проведя некогда целый час в крошечной темноте склепа, он не изменился в лице. А вот сегодня он был очень бледен, будто мертвец.

– Ничего, если я войду? – спросил он.

– Разумеется, – ответил я. – Мы как раз обедали, но уже заканчиваем. Проходите, будьте добры.

– Я не хотел бы вас беспокоить за едой, – сказал он, почти машинально кинул взгляд на часы и бессмысленно впился глазами в стрелки, будто те двигались как-то несогласованно.

Я сказал:

– Мы скоро закончим, а еда у нас очень простая. Потом можем вместе выпить кофе. Подождите, пожалуйста, в гостиной – там я вас и представлю.

Мэнсики покачал головой.

– Нет, знакомить нас пока рановато – я здесь вовсе не ради знакомства. Я заглянул к вам, посчитав, что они уже уехали. Но когда увидел, что перед домом у вас стоит незнакомая машина, даже не знаю, как мне быть...

– Это как раз удачно, – перебил его я. – Все получилось естественно, я сам все устрою.

Мэнсики кивнул и принялся снимать обувь. Но выглядело так, будто он толком и не знает, как это делают. Дождавшись, когда он справится с этой трудной задачей, я проводил его в гостиную. Хотя он и бывал здесь прежде – с любопытством обвел взглядом комнату, словно видел ее впервые в жизни.

– Подождите, пожалуйста, – попросил я и легонько положил руку ему на плечо. – Присаживайтесь и чувствуйте себя как дома. Думаю, минут через десять мы закончим.

Оставив Мэнсики дожидаться, я, несколько волнуясь, вернулся в столовую. Пока меня не было, мои гости уже доели, и вилки их теперь покоились на тарелках.

– У вас гость? – встревоженно спросила Сёко Акигава.

– Да, но не беспокойтесь. Неожиданно заглянул один хороший знакомый – он живет здесь неподалеку. Подождет в гостиной – и не волнуйтесь, он не требует к себе внимания. Так что я пока доем.

На тарелке у меня оставалось немного, и справился я быстро. Пока гости убирали со стола посуду, я приготовил кофе.

– Давайте перейдем в гостиную и выпьем кофе там вместе, – предложил я Сёко Акигаве.

– Но у вас же гость. Мы разве не помешаем?

Я покачал головой.

– Ничего подобного. На самом деле все складывается как нельзя удачнее – я вас заодно и познакомлю. Живет он хоть и близко, но на другом склоне лощины, так что вы его, наверное, не знаете.

– Как его зовут?

– Господин Мэнсики. «Мэн» как в слове «права» и «сики» как в «сочетании цветов».

– Редкое имя, – произнесла Сёко Акигава. – Мэнсики. Прежде не доводилось его слышать. Действительно, на другой стороне лощины – вроде и близко, но совсем не рядом.

Мы поставили на поднос четыре чашки кофе, сахар и сливки и понесли все это в гостиную. А когда вошли, Мэнсики там, к моему изумлению, не оказалось. Гостиная была пуста. На террасе его тоже не было. И я сомневался, что он скрылся в ванной.

– Куда он делся? – воскликнул я, ни к кому не обращаясь.

– А он был здесь? – спросила Сёко Акигава.

– Только что.

Я сходил в прихожую – его замшевых туфель там тоже не было. Надев сандалии, я открыл входную дверь и выглянул на улицу. Серебристый «ягуар» стоял на прежнем месте – значит, домой уехать Мэнсики не мог. Лобовое стекло машины ослепительно отражало солнечный свет, и понять, есть ли кто внутри, мне не удалось. Я подошел к машине: Мэнсики сидел за рулем и явно что-то искал. Я слегка постучал по стеклу. Он открыл окно и смущенно посмотрел на меня.

– Что с вами, Мэнсики-сан?

– Подумал измерить давление в шинах, но отчего-то не могу найти манометр. Всегда возил его в салоне.

– Это необходимо сделать прямо здесь и сейчас?

– Нет, в общем-то, не обязательно. Просто пока я у вас сидел, меня вдруг стало беспокоить давление в шинах. Если подумать, за последнее время я ни разу его не проверил.

– Но с колесами ведь все нормально?

– Да, колеса в полном порядке. Как обычно.

– Тогда, может, оставим давление в шинах на потом и вернемся в гостиную? Я приготовил кофе. К тому же дамы ждут.

– Ждут? – хрипло спросил Мэнсики. – Ждут – меня?

– Я сказал им, что вас познакомлю.

– Вот беда, – сказал он.

– Почему?

– Я еще не готов знакомиться. В душе не готов.

В его взгляде читались страх и растерянность – как у человека, которому велели прыгать из горящего здания на спасательный мат, больше похожий с высоты шестнадцатого этажа на бирдекель.

– Нам лучше вернуться, – отрывисто произнес я. – Ничего особенного в этом нет.

Мэнсики, ничего не ответив мне, кивнул, выбрался из машины и захлопнул дверцу. Хотел было заблокировать двери, но понял, что надобности в этом нет – дом стоит на вершине горы, сюда никто не ходит, – и положил ключи в карман парусиновых брюк.

Тетя с племянницей ждали нас в гостиной. Едва мы вошли, обе они учтиво поднялись с дивана. Я кратко представил им Мэнсики – просто и вежливо.

– Господину Мэнсики тоже приходилось мне позировать. Я писал его портрет, и оказалось, что живем мы неподалеку. С тех пор и общаемся.

– Я слышала, вы живете на вершине горы напротив? – спросила Сёко Акигава.

Стоило заговорить о доме, как Мэнсики прямо на глазах побледнел.

– Да, я там поселился несколько лет назад... Сколько уже? Года три? Нет, пожалуй, четыре.

Он посмотрел на меня так, будто вопрос задали мне, но я ничего не ответил.

– Ваш дом отсюда видно? – спросила Сёко Акигава.

– Да, – ответил Мэнсики и тут же добавил: – Но дом так себе, да и жить на горе неудобно.

– В смысле неудобств наш дом ничем не лучше, – дружелюбно подхватила Сёко Акигава. – Выбраться за покупками – целая история, сигнал на сотовом слабый, радиоволны с помехами. К тому же склон крутой: стоит пойти снегу – сплошь гололед, да такой, что страшно выезжать на машине. К счастью, это за все время случилось только раз, лет пять назад...

– Да, а снега здесь почти не бывает, – сказал Мэнсики. – Из-за теплого ветра с моря. Как ни крути, климат-то у нас морской, так что...

– В общем, хорошо, что зимой снега нет, – перебил я Мэнсики. Было ясно, что ему трудно, и если б я не вмешался, он бы продолжил свой монолог вплоть до объяснения Эль-Ниньо.

Мариэ Акигава попеременно смотрела на тетушку и Мэнсики. Похоже, какого-то особого впечатления о моем соседе она пока не составила. Тот же и вовсе не смотрел на девочку, а не сводил взгляда с ее тети, словно его сразила ее красота.

Тогда я сказал, обратившись к Мэнсики:

– Дело в том, что я недавно взялся писать портрет этой юной леди.

– А я по воскресеньям вожу ее сюда, – добавила Сёко Акигава. – Мы тоже соседи, но чтобы добраться сюда, приходится делать изрядный крюк.

Мэнсики наконец-то посмотрел прямо на Мариэ. Однако глаза его, стараясь зацепиться хоть за что-нибудь у нее на лице, беспокойно метались, словно неутомонные зимние мухи, не знающие, куда присесть. Найти эту зацепку он так и не смог.

И тогда я, словно протягивая спасительную соломинку, достал эскизник.

– Вот те наброски, что я пока что сделал. За сам портрет мы пока не принимались.

Мэнсики долго всматривался в три листка – будто вгрызался в них глазами, словно ему было куда важнее видеть перед собой не саму Мариэ, а ее изображения. Но это, конечно же, было не так – он просто не мог заставить себя посмотреть прямо на девочку. Рисунок попросту служил заменой. Мэнсики впервые оказался так близко от девочки и не мог держать себя в руках. А Мариэ Акигава наблюдала за суетой на лице Мэнсики, будто видела перед собой какую-то редкую зверушку.

– Прекрасно, – воскликнул Мэнсики и, посмотрев на Сёко Акигаву, добавил: – Во всех рисунках бьется жизнь и характер передан точно.

– Да, я с вами согласна, – просияв, ответила Сёко Акигава.

– Вот только Мариэ – отнюдь не простая модель, – сказал я Мэнсики. – Рисовать ее очень трудно. Лицо у нее постоянно меняется, и нужно время, чтобы уловить его суть. Вот поэтому я и не могу пока приступить к самому портрету.

– Трудно, значит? – переспросил он и, прищурившись так, будто перед ним нечто ослепительное, посмотрел на Мариэ. Я сказал:

– На каждом из этих трех рисунков выражение лица очень сильно разнится. Стоит чему-нибудь в нем измениться, и общее впечатление совершенно меняется. Чтобы нарисовать Мариэ на одном холсте, необходимо отразить не только поверхностные вариации, но и саму эмоциональную ее суть. Если этого сделать не получится, в портрете отразится лишь грань целого.

– Вот как? – восхищенно воскликнул Мэнсики и, взяв в руки рисунки, принялся сравнивать их с оригиналом, а на его бледное лицо тем временем постепенно начал возвращаться румянец. Сначала – как маленькие точки, которые вскоре выросли до размера шариков для пинг-понга, а затем наконец покрыли все лицо. Мариэ с интересом наблюдала, как у собеседника меняется цвет. Сёко Акигава вовремя отвернулась, чтобы не показаться беспардонной. Я поспешно стал наливать себе кофе.

– На следующей неделе берусь за портрет. В смысле – красками и на холсте, – сказал я, чтобы заполнить тишину, при этом – скорее себе самому.

– Композицию уже продумали? – спросила тетушка.

Я покачал головой:

– Нет еще. Пока не встану перед холстом с кистью в руке, ничего в голову мне и не придет.

– Так вы писали портрет господина Мэнсики? – спросила у меня Сёко Акигава.

– Да, где-то с месяц тому назад, – ответил я.

– Прекрасный вышел портрет, – энергично подтвердил Мэнсики. – Пока краски не высохнут, в раму я его не вставлял, а просто повесил на стену в кабинете. Правда, я считаю, что слово «портрет» здесь не совсем уместно: при том, что на картине нарисован я, там – не я. Как бы точнее выразиться? Это очень *глубокая* картина. Сколько ни смотрю, не могу на нее наглядеться.

– Притом вы сказали, что вы там – это не вы? – спросила Сёко Акигава.

– Я к тому, что это не портрет *в обычном смысле слова*, а произведение гораздо глубже обычных картин.

– Хочу посмотреть, – заявила Мариэ. Это было первое, что она произнесла после того, как мы перешли в гостиную.

– Но, Мариэ, так неприлично! Напрашиваться в гости в чужой...

– Я ничуть не возражаю, – перебил ее тетю Мэнсики, словно обрубил острым топориком концовку ее фразы. От его резкости все – включая его самого – на миг опешили. А он, выдержав паузу, продолжал: – Тем более что живете вы неподалеку. Непременно приезжайте ко мне посмотреть картину. Я живу один, поэтому стесняться нечего – я готов вас принять в любое удобное время.

И, сказав это, Мэнсики покраснел. Возможно, сам уловил в своей фразе нотки излишней настойчивости.

– Мариэ, а тебе нравятся картины? – обратился он теперь к девочке уже обычным своим голосом.

Мариэ молча кивнула. Тогда Мэнсики продолжил:

– Если вы не против, в следующее воскресенье примерно в это же время я за вами сюда заеду. И мы съездим ко мне, посмотрите картину. Что вы на это скажете?

– Нам бы не хотелось вас беспокоить... – попыталась было отказаться тетушка.

– Я хочу увидеть ту картину, – на сей раз категорично заявила Мариэ, и тон ее не терпел возражений.

Условились, что ровно через неделю Мэнсики приедет сюда после полудня и встретит гостей. Меня тоже пригласили, но я, сославшись на дела, вежливо отказался, не желая быть причастным к этому больше, чем и так впутался: пусть уж теперь эти трое разбираются между собой сами. Что бы там ни произошло, мне хотелось бы по возможности остаться в стороне. Ведь я лишь связующее звено – хотя изначально не стремился быть и им.

Чтобы проводить тетю с племянницей, засобиравшихся домой, мы с Мэнсики вышли на улицу. Сёко Акигава с интересом рассматривала «ягуар», запаркованный рядом с ее «приусом». Таким взглядом чужих псов оценивают настоящие собаководы.

– Это же самая новая модель? – спросила она у Мэнсики.

– Да. Пока что самый новый купе «ягуара». А вам нравятся машины? – поинтересовался он в ответ.

– Нет, дело не в этом. Просто у моего покойного отца был седан «ягуар». Отец часто брал меня с собой, иногда давал порулить. Вот мне и щемит сердце всякий раз, как вижу на радиаторе знакомую фигурку. Как там говорил отец – вроде «экс-джей-6» у нас был? С четырьмя круглыми фарами. Двигатель – рядная шестерка на 4,2 литра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.